

Некоторые западные исследователи приписывали и приписывают по сей день известной книге Эжена Мельхиора де Вогюэ «Русский роман» (1886) заслугу «открытия» русской литературы для европейского читателя. Это мнение повторялось неоднократно и румынской печатью¹, в особенности до 1944 г. Однако же, что касается западноевропейского распространения русской литературы советский исследователь Ф. Прийма, а также и некоторые западные литературоведы доказали убедительно несостоятельность такой точки зрения, которая, преувеличивая роль де Вогюэ, одновременно умаляла или совершенно стирала его предшественников². То же самое можно отметить и в отношении утверждения русского романа в Румынии. Во-первых, следует обратить внимание на тот факт, что книга Мельхиора де Вогюэ не была переведена на румынский язык. Это явно ограничивало возможности ее воздействия на более широкую аудиторию, ее влияние на общественность. Правда, книгу могли прочитать и читали на французском языке, однако же о массовом ее распространении в таких условиях нельзя говорить. Между прочим, подтверждением этой мысли служит интересная заметка румынского писателя Жана Барта, который вспоминая о годах своей молодости говорит: «хотя мы и много читали французской литературы, но Вогюэ был очень мало известен. Когда мне случайно попался в руки его *Русский роман* я остался удивлен и очарован...»³.

Кроме того, если внимательно проследить за развитием процесса проникновения русских романов и повестей в Румынию, то нетрудно заметить, что первые переводы, знакомящие общественность нашей страны с произведениями Пушкина, Тургенева или Достоевского, появляются на несколько лет раньше книги Вогюэ. Так из числа романов и повестей пользовавшихся наибольшим успехом у румынских читателей, *Капитанская дочка* переводится впервые в 1866 г., *Первая любовь* в 1872 г., *Вешние воды* в 1879 г., *Дым* в 1884 г., *Новь* в 1885 г., *Униженные и оскорбленные* в 1885 г. В популяризации некоторых из этих произведений важную роль сыграл передовой литературный критик К. Доброджану-Геря, знаток русского языка и русской литературы, разъяснивший один из первых в своих статьях румынскому читателю значение творчества Тургенева и Достоевского⁴, а немного позже и Толстого. Таким образом, даже если и считать, что книга Вогюэ имела широкий отклик в румынской литературной жизни, она утверждалась на подготовленной почве, воспринявшей уже некоторые из наиболее блестящих образцов русского романа, и возможные заслуги французского автора меркнут в какой-то степени перед явным, конкретным вкладом Добро-

¹ См. «Secolul», 1910, 20.III, стр. 1 и «Noua Revistă Română» 1910, 21.III, стр. 336—337.

² См. Ф. ПРИЙМА, *Начало мировой славы Л. Толстого* «Русская литература», 1960, № 4, стр. 33—34 и GEORGETTE DAUCHIN рецензия на Hemmings: *The Russian Novel in France 1884—1914*, в «Slavonic Review», 1950, дек., стр. 342—348.

³ JEAN BART, *Eugène Melchior de Vogüé*, «Adevărul literar și artistic», 1929, 21.IV, стр. 1.

⁴ I. GHEREA, *Turghenieo*, «Drepturile omului», 1885, 5.V, стр. 2 и *Dostoevski*, «Românul», 1885, 17.IX, стр. 2.